«НЕТ БОЛЕЕ МЕНЯ ВЛЮБЛЕННОГО В МАТУШКУ РУСЬ...»

К 150-летию со дня рождения П. И. Чайковского

Так написал П. И. Чайковский из-за границы в письме на родину. Возможно, в этих словах кроется тайна его гениальной музыки.

Празднование 150-летнего юбилея П. И. Чайковского, решением ЮНЕСКО провозглашенное всемирным, начало свое шествие от порога дома, где родился композитор, из маленького города Воткинска, что прижостился у отрогов Урала.

Сюда и в близлежащий Ижевск, столицу Удмуртской АССР, съезжаются на фестиваль музыки Чайковского выдающиеся музыканты страны. Фестиваль открыли выступления Ирины Богачевой, Александра Ведерникова, Михаила Воскресенского, Академического симфонического оркестра Горьковской филармонии под управлением Владимира Зивы. В день рождения композитора здесь будет играть Михаил Плетнев...

К юбилею композитора издательство «Знание» подготовило книгу С. Никитина «Чайковский. Старое и новое». Ее фрагменты сегодня мы предлагаем читателю, а также размышления крупнейших деятелей искусства, принявших участие в фестивале в Воткинске, где на берегу зеркального озера открылся памятник гениальному творцу.

Памятник работы народного художника СССР О. Комова и архитектора Н. Комовой.
Фото А. Карзанова.

Ирина БОГАЧЕВА,
народная артистка СССР

Почему я приезжаю в Воткинск в день рождения П. И. Чайковского? Да потому, что не могу не преклонить голову перед величием его таланта и личности. Мы в огромном. неоплатном долгу перед ним. Отчего это?

На меня всегда производит впечатление то, с каким благоговением относятся к Чайковскому в Японии. Очевидно, преклонение перед культом красоты позволяет этому народу проникать в таинство музыки Чайковского, понимать ту высоту в стремлении к совершенству, которой достигает композитор в своей музыке.

Для меня прикосновение к этой музыке — каждый раз труднейшее восхождение. Не важно, что я пела Чайковского только вчера. Сегодня—это новый путь, и, может быть, еще более трудный. Ведь для того, чтобы прозвучала мелодия так, как задумал, как прочувствовал и пережил ее Чайковский, необходимо собрать все силы души, необходимо величайшее напряжение воли, мысли, всего, что питает твои чувства. Что голос?.. Одного голоса очень мало. И если не хватает сил собраться в миг единения с этой божественной музыкой, принадлежать только ей, к ее вершинам не подступиться. Всякий раз, когда мне предстоит петь графиню в «Пиковой даме», меня охватывает страх — получится ли? По глубине проникновения в духовный мир человека, по чуткости к человеческому страданию Чайковский сравним разве только с Толстым и Достоевским. И безусловно, истоки мелодического языка Чайковского в русской народной музыке. Я никогда не читаю только партитуру. Письма Чайковского, его размышления о жизни, его открытия — вот тот обязательный источник проникновения в музыкальный образ, без которого я не могу подойти к пониманию его. Любовь к России светилась в Чайковском на протяжении всей его жизни. Да, и он, как и все мы, поругивал свое отечество за те или иные беды, но родина для Чайковского всегда оставалась священной. Эта высота души его сказалась в том, что он не боялся высоких слов, когда говорил или писал о родине. «Нет более меня влюбленного в матушку Русь...». Такие слова. А музыка?.. Ею восхищается весь мир. Нам бы познать ее во всей глубине.

Александр ВЕДЕРНИКОВ,
народный артист СССР

Когда я пою «Благословляю вас, леса», я всегда представляю те просторы, которые ведут к Воткинску. Душа наполняется невыразимой негой, и так хочется, чтобы это чувство проникало в звуки. Этой музыке я предан всей душой. Одна из любимейших моих арий, которую я почти всегда пою в концертах, ария Гремина из оперы «Евгений Онегин». Разве эта музыка — не величайшее воплощение духовности, совершенное выражение способности человека к любви и преклонению перед красотой? Я вижу главное достоинство музыки Чайковского в том, что она человечна, одухотворена истинными, живыми чувствами. В век, когда рациональные подходы все более и более порабощают музыку, когда современные композиторы расписывают музыкальные фразы по схемам и математическим формулам, музыка Чайковского особенно дорога живому человеку, ибо рождена в результате страдания и величайших сердечных мук. Душа человеческая всегда требует от жизни ответа. «О совесть лютая, как тяжко ты караешь!»

Владислав КАЗЕНИН,
председатель правления
Союза композиторов РСФСР

Для музыки Чайковского нет границ. Его вдохновение — симфонии и оперы, балеты и романсы — это тот постоянный источник света, который возрождает душевные силы. Каждое поколение находит что-то свое в музыке Чайковского, «свою радость», и сегодня, когда все просвещенное человечество, измученное кровавыми распрями, обращает свой взор к Чайковскому в день его 150-летнего юбилея, русские музыканты испытывают высокое чувство гордости за принадлежность к земле, давшей миру гениального Чайковского.

Композиторы России готовились к юбилейным празднествам с особенной тщательностью. Музыкальные фестивали в этом году пройдут не только в столичных городах, но и в Ленинграде, Свердловске, Челябинске, Ижевске, Алапаевске, Воткинске.

Именно здесь будет исполнена неоконченная Чайковским его 7-я симфония, доработанная композитором Богатыревым. Отрадно, что земля Удмуртии, бережно охраняющая жемчужину колыбели русского гения, воспринимает священный дар Чайковского как свое национальное достояние. С каким теплом и заботой подготовлен праздник в Ижевске и Воткинске, ознаменовавший начало юбилейного шествия по планете музыки Чайковского, с каким затаенным дыханием слушают земляки композитора его музыку!

Олег КОМОВ,
скульптор, народный
художник СССР

Обращение к образу П. И. Чайковского для меня закономерно. С его музыкой я рос, прекрасно играли на рояле мои родители, учили музыке меня. И когда возникла идея о том, чтобы возле отчего дома Чайковского встал памятник композитору, я с радостью воспринял ее. Воспринял и начал работать над созданием памятника. Сегодня памятник Чайковскому открыт, и я рад, что открытие состоялось в ходе прекрасного народного праздника.

Каким получился памятник? Мне думается, что тот облик композитора, который неразрывно связан в моей душе с образом Пушкина, нашел отражение в этом памятнике. Чайковский запечатлен в том возрасте, когда писал «Евгения Онегина». Почему не ребенком? Ведь здесь, в Воткинске, прошли детские годы Чайковского. Но ведь родина композитора дала силы таланту гения, таланту, который во всей мощи развился именно в зрелые годы. В этом и состоит главная идея — создать образ композитора в пору его наивысшего подъема. Хотелось, чтобы этот образ воспринимался как гимн творцу, художнику, артисту.

Здесь нет атрибутов, присущих композитору,— ни музыкального инструмента, ни даже какой-либо детали его... Композитор не стоит у пульта с дирижерской палочкой в руках, не сидит за роялем... Он, казалось бы, отдыхает, расположившись на уединенной скамейке возле воды огромного зеркального озера. Лицо задумчиво, творец погружен в себя, и только чуть-чуть пальцы правой руки касаются скамейки, словно вот-вот побегут по клавишам рояля...

Не мне судить о том, как удалось воплотить замысел, но хочу сказать, что если бы до этой работы я не сделал несколько скульптурных портретов Пушкина, я не посмел бы взяться за образ Чайковского.

Посмертная маска Чайковского, обладателем которой мне посчастливилось быть, передает удивительную изысканность натуры Чайковского, грацию его внутреннего мира, сдержанность и высочайшую культуру чувств. В ней словно замерла пластическая рифма, все то гениальное звучание, которое связано с именем Чайковского.

Я очень долго искал пути воплощения его в камне. Как удалось— скажут люди. Но я мечтал отразить глубинные душевные переживания композитора, сложность его психологической драмы. Мир памятника открывается не всем, но мне верится, что люди, живущие музыкой Чайковского, здесь, на берегу лебединого озера, встретятся с образом композитора, создателя гениальной русской музыки.

Владимир ЗИВА,
главный дирижер
и художественный
руководитель Академического
симфонического оркестра
Горьковской филармонии

Думаю, сейчас в мире не проходит и часа, когда бы не звучала где-нибудь на планете музыка Чайковского. Как русский я горжусь, что живу на той же земле, что и композитор. Он действительно завоевал мир. Такого уровня композиторов, которые принадлежат всему человечеству, всего несколько. Чайковский входит в число наиболее часто исполняемых в мире, и не только исполняемых, но и любимых.

Мне представляется, что сейчас наступает новое рождение Чайковского, именно в нашей стране, которую ныне раздирают противоречия и распри. Музыка Чайковского несет в себе удивительное умиротворяющее начало. Основа его лирики исключительно русская, но этот факт еще раз подтверждает то, что истинное высокое искусство выходит за рамки национального. Чайковский создал особый удивительный мир борьбы добра и зла, показал подчас трагические ужасы этой борьбы, но навсегда подарил человеку ощущение веры в торжество прекрасного начала. Он верит и силой своей музыки заставляет верить всех, что истинная красота истинных чувств не подвластна тлену. Ее не в силах убить ни катаклизмы, ни мировые катастрофы.

Легенда и судьба

ЛЕГЕНДЫ о великих людях... Эти легенды, раз родившись, долго не умирают, создавая особый, таинственный ореол вокруг гениальных представителей человечества, словно гений непременно должен содержать в себе какую-нибудь тайну жизни. Сколько всяких романтических историй возникло вокруг «Реквиема» Моцарта! Сколько выдумок похожего рода существует в отношении Шестой симфонии Чайковского! Сходство обстоятельств, окружавших эти великие произведения, состоит в том, что их создание совпало со смертью авторов, и оба они по своему содержанию прямо связаны со смертью. Правда, Моцарт писал свой «Реквием» не по внутреннему побуждению, а по заказу, но как-то в сердцах сказал, что пишет его для себя. Дальше этого действительная история не пошла. Чайковский же писал «Патетическую» явно по внутреннему побуждению, но, как видно из сделанных им набросков плана несостоявшейся симфонии «Жизнь», трагический конец симфонии существовал в мыслях Чайковского еще за два или три года до его смерти. Можно ли всерьез говорить о предчувствиях смерти или каких-то намерениях, устремленных к ней, и связывать их с созданием симфонии, главная идея которой возникла за три года до ее написания?

Но легенды есть легенды; они так красивы, так романтичны и увлекательны, что восторженные поклонники музыки и ее великих творцов не хотят расставаться с ними даже после того, как им становится ясно, что взволновавшие их тайны полностью растворились в неопровержимых фактах реальной жизни, ибо есть еще тайны музыки, а эти тайны раскрыть гораздо труднее. У Шестой симфонии есть своя программа. Чайковский решил сохранить эту программу в тайне. «Пусть догадываются»,— говорил он. Однако двоюродная сестра Петра Ильича Анна Петровна Мерклинг рассказала, что Чайковский подтвердил высказанные ею догадки о содержании симфонии. «Да, это история его жизни,— передает Анна Петровна слова Петра Ильича.— Первая часть — детство, смутное стремление к музыке. Вторая — молодость, светлая пора, веселая жизнь. Третья — жизненная борьба и достижение славы. А последняя, сказал он весело, это чем все кончается».

Едва слышный протяжный звук контрабасов служит опорой мрачной темы интродукции, которую излагает фагот и подхватывают альты. В коротком Adagio с его тяжелым настроением пока никак нельзя прочитать радости детства и стремления к музыке, о которых рассказывала Анна Петровна Мерклинг, но, может быть, еще рано искать эти радости. Ведь это только вступление, где закладывается основа настроения симфонии. Однако следующий эпизод (Allegro non troppo), составляющий центр экспозиции, лишь укрепляет гнетущее чувство, пророчески преобразуя мрак вступления в тревожное настроение. Роковой вопросительный характер главной темы усиливается и сменяется нервным беспокойством. В экспозиции проскальзывают отдельные мажорные оттенки, но в них нет ни радости, ни даже смутного стремления. Скорее можно услышать гнев на судьбу — гнев, смешанный с отчаянием, который с неистовой силой прозвучит дальше в разработке...

В последний раз Чайковский приехал в Петербург 10 октября 1893 года. Он остановился на квартире у своего брата Модеста, с которым поселился также племянник Чайковских Владимир Львович Давыдов. Квартира эта — последнее пристанище Петра Ильича — находилась на углу Малой Морской и Гороховой (в наше время ул. Гоголя и ул. Дзержинского).

Далее начались репетиции с оркестром. В предстоящем 16 октября концерте Чайковский должен был дирижировать своей новой Шестой симфонией, для чего он и приехал в Петербург.

Модест Ильич рассказывает, что Петр Ильич приехал в Петербург бодрым и веселым, и хорошее настроение не покидало его и далее. Единственно, что омрачало его,— это прохладное отношение к его новой симфонии со стороны оркестрантов, мнением которых он особенно дорожил.

После концерта 16 октября Петр Ильич пошел провожать свою двоюродную сестру Анну Петровну Мерклинг, ту самую, которая высказала ему свои догадки о содержании симфонии. Затем он вернулся к ожидавшей его компании в кабинете ресторана «Гранд отель». Вечер в ресторане, по словам присутствовавшего там Ю. Л. Давыдова, прошел очень весело. «Петр Ильич был несколько возбужден, шалил, как никогда, и шутки сыпались, как из рога изобилия»...

«С этой симфонией,— писал Петр Ильич,— происходит что-то странное. Она не то чтобы не понравилась, но произвела некоторое недоумение. Что касается меня самого, то я ею горжусь более, чем каким-либо другим моим сочинением. Но об этом мы вскоре поговорим, ибо я буду в субботу в Москве».

Днем 18 октября Чайковский присутствовал на генеральной репетиции «Евгения Онегина», которая проводилась Оперным товариществом в зале дома Кононова, расположенного неподалеку от квартиры Модеста Ильича. Затем он дал обед для пианистки Аус дер Оэ. Вечером он был в Мариинском театре, где давали «Онегина»... На следующий день Петру Ильичу стало плохо. А 21 октября, как рассказывает в книге воспоминаний его брат Модест Ильич, он предлагал вызвать врача.

В тот день Петра Ильича навестил композитор А. К. Глазунов, которого Петр Ильич сам пригласил к себе, видимо, еще накануне. Глазунов точно указывает день и время этого визита («в среду за четыре дня перед его смертью... около пяти часов вечера»). «Ему было очень плохо,— вспоминает Александр Константинович,— и он просил оставить его, сказав, что, может быть, и на самом деле у него холера, хотя он этому не верит, так как подобные приступы с ним бывали не раз»...

Петр Ильич скончался в три часа утра 25 октября...

Музыка — язык универсальный, но даже и такая общность мышления всего человечества, как музыкальная, не может стереть граней между национальными особенностями, которые неизбежно находят отражение в искусстве. Среди многих положительных качеств нашего народа, о которых предостаточно сказано в родной литературе, здесь следует выделить одно, могущее в зависимости от обстоятельств быть и положительным и отрицательным,— это повышенная чувствительность и мечтательность. Мы особенно ясно наблюдаем эту черту у интеллигенции прошлого века, но в некоторой степени (и не только интеллигенцией) она унаследована и нынешними поколениями. От нее исходит доброта — русский человек добро знает и помнит. Вечное стремление к чему-то большому, чтобы не сказать — великому, увлекает нас и отвлекает от простых занятий, требующих для своего добросовестного исполнения сосредоточения на мелочах.

Петр Ильич был в этом отношении типичным представителем русской интеллигенции. В нем жили полной силой все качества, присущие мечтателям, ищущим смысл жизни: он был человеком, остро воспринимающим все происходящее вокруг, человеком огромного душевного размаха.

У Чайковского эти качества попали в плодородную среду музыкальной гениальности, в которую он к тому же сам уверовал, и все типично русское, получив питание от накопленных остальным человечеством музыкальных познаний, проявилось в его произведениях.

Брамсу не понравился финал Пятой симфонии Чайковского, который всегда вселяет в нас силу и заставляет мечтать о подвигах. В европейском музыковедении можно обнаружить забавную критику финала Пятой симфонии, которая тоже помогает понять разницу между натурой западноевропейцев и русских. Причина все та же — широта души и глубина чувств русского человека не совсем понятны англичанину, немцу или даже французу. Английский музыковед Эдвин Эванс очень хорошо почувствовал что-то неладное в восприятии русской музыки, такой, как музыка Чайковского, и по-своему объяснил это. «В каждом славянине,— пишет он,— скрывается фаталист, и в сочетании с некоторой податливостью чувств, быстро проходящих через весь диапазон человеческих радостей и печалей, этот фатализм возбуждает в каждом истинно русском человеке моменты мрака и депрессии, которые мы, представители западного мира, можем понять лишь в малой степени. Безудержность в раскрытии своих чувств не симпатична западноевропейцу. Точно так же узкий практицизм западноевропейцев не симпатичен исконно русскому человеку. На Западе очень любят русскую музыку, однако нередко даже среди крупных музыкантов там можно услышать слова об излишнем разгуле чувств, о сентиментальности, типичной элегичности русского музыкального характера.

Впрочем, Чайковского подобным образом задевают очень редко: слишком очевидно его музыкальное величие.

ВСПОМИНАЕТСЯ эпизод, описанный самим Чайковским. В 1888 году во время своего путешествия по Европе Петр Ильич встретился с престарелым директором филармонического общества в Гамбурге Аве-Лаллеманом. Этот старый русофоб, откровенно забраковав многие особенности композиторского стиля Чайковского, все же признал, что у него есть задатки хорошего немецкого композитора! Он чуть ли не со слезами на глазах умолял Петра Ильича оставить Россию и поселиться в Германии, где классические традиции и условия высшей культуры не преминут исправить недостатки, легко объяснимые, по его мнению, тем, что Чайковский родился и воспитывался в стране, еще мало просвещенной и далеко отставшей от Германии.

С тех пор прошло сто лет, но идеи старика Аве-Лаллемана еще окончательно не погибли. Что ж, надо признать, что, как бы ни был гениален Брамс, от его музыки не заплачешь. Но однажды мне довелось видеть, как англичанка утирала слезы, слушая Шестую симфонию: наш Чайковский заставляет плакать не только русских!

Четыре симфонии — Четвертая, «Манфред», Пятая и Шестая — можно смело считать биографичными не только потому, что это позволяет общая субъективность творчества Петра Ильича, но и вследствие того, что он сам оставил ряд высказываний по поводу этих произведений. Упомянутые четыре симфонии действительно представляют собой своеобразную тетралогию его жизни. или, точнее, переживаний в период создания этих произведений. Вслушиваясь в них и руководствуясь отдельными замечаниями их автора, мы можем увидеть довольно ясную картину состояния Петра Ильича, центральное место в которой занимают темы судьбы, дамоклова меча, висящего над его головой и каждую минуту готового опуститься на нее.

1877 год. Четвертая симфония, начатая еще до кризиса, вызванного несостоявшейся женитьбой, и законченная в период, когда этот кризис уже был позади. Тема судьбы открывает симфонию, звучит в ее первой части и врывается в атмосферу праздника в финале. Внутренние страдания героя (самого Чайковского) достигают максимальной силы в конце первой части, но выражаются не темой судьбы, а главной темой первой части, которая отвечает судьбе неистовым отчаянием. Но вывод Чайковского — финал — «Жить еще можно».

1885 год. Симфония «Манфред». Как таковой, темы судьбы здесь нет, но ее заменяют две тесно связанные между собой темы Манфреда — его образ и его страдания, которые достигают наивысшей точки также в конце первой части и с не меньшей интенсивностью повторяются в финале.

1888 год. Пятая симфония. Здесь тема судьбы проходит через все четыре части, но она уже не несет в себе той воинственности, что звучала в Четвертой симфонии или в «Манфреде». В первой части она тиха и мрачна. Резкое ее звучание слышно только во второй части, где она ломает лирический эпизод необыкновенной красоты. В третьей части судьба напоминает о себе в самом конце робко, хотя и тревожно, завершая вальс, будто предчувствуя свое поражение. И вот густой могучий призыв виолончелей и контрабасов приносит радостное ощущение победы: начинается финал. Торжественное завершение симфонии не оставляет никаких сомнений в победе над судьбой.

Потрясающая картина прощания с жизнью изображена в Шестой симфонии. Конечно, она не могла не вызвать размышлений, особенно после того, как вслед за первым исполнением симфонии последовала неожиданная смерть Петра Ильича. Сторонники версии о самоубийстве оживляют ныне старую версию.

Доказательств нет, но есть здравый смысл, существует все-таки какая-то логика в оценке событий жизни, которая помогает отделить ложь от истины.

В случае с Чайковским нет никаких улик и свидетельств, есть лишь неясности и сомнения, а также романтические ассоциации, на основе которых люди верят молве. Какова же все-таки психологическая картина, на основе которой можно вынести самостоятельное верное суждение?

Да, Шестая симфония сыграла свою роль в укреплении слухов, и этим пользовались очень многие авторы книг о Чайковском, создавая совершенно определенный настрой. Но почему-то мало кто в связи с этим задумывался о том, что Шестая симфония была сочинена Чайковским в феврале — марте 1893 года, т. е. более чем за полгода до роковых событий, а замысел симфонии, отражающей его жизнь, родился у него значительно раньше — в мае 1891 года. Из сделанных им записей, касающихся программы симфонии «Жизнь», которую он потом раздумал продолжать, видно, что некоторые его мысли были очень похожи на то, что он осуществил в Шестой симфонии: «Финал смерть — результат разрушения», «четвертая (часть) кончается замиранием». Если поверить тем, кто склонен рассматривать Шестую симфонию как прощание с жизнью перед задуманным самоубийством, то получается, что этот страшный акт был задуман Чайковским более чем за два года до его свершения.

Возвращаясь к Шестой симфонии, надо еще заметить, что, вспоминая о своем последнем разговоре с Чайковским, Н. Д. Кашкин рассказывает о следующих впечатлениях:

«Упомяну еще, что, по моему мнению, совершенно напрасно усматривают какую-то связь между Шестою (Патетической) симфонией и кончиной ее автора; стараются отыскать в ней предчувствия смерти, как бы последний завет живущим. Ничего подобного такому впечатлению не осталось у меня от последнего свидания с Чайковским». Н. Д. Кашкин вспоминает также, что Чайковский перед отъездом в Петербург на свой последний концерт выразил сомнение в отношении финала Шестой симфонии. Он сказал, что «последняя часть составляет еще для него вопрос и, быть может, после петербургского исполнения часть эта будет уничтожена и заменена новой».

Таким образом, мало того, что Чайковский задумал трагический конец симфонии с «замиранием» за два с лишним года до того, как она была исполнена, он еще и сомневался в таком финале. Вправе ли мы после всего сказанного поддаваться романтическим ассоциациям? Нет, придется разочаровать тех, кто до сих пор находится в плену таких ассоциаций: гипотеза о связи Шестой симфонии со смертью Петра Ильича рушится.

ВСЯ РОССИЯ прощалась с Чайковским как с самым близким, родным человеком. Он действительно был, как говорила его сестра Александра Ильинична, «любимцем всех, кто его знал». Любили его музыку, трагическую, элегическую, душевную, но и веселую, радостную, искрящуюся жизнью. Любили его мрачные неистовой силы драмы в Четвертой и Шестой симфониях, но с неменьшим восторгом встречали его сверкающие балеты «Спящая красавица», «Щелкунчик» и наполненную любовью к жизни последнюю оперу «Иоланта». Но те, кто имел счастье знать Петра Ильича лично, любили его как человека, может быть, еще больше, чем знаменитого композитора,— человека доброго, искреннего, честного, очень деликатного и изящного в отношениях с людьми.

В промокшем от непрерывно моросящих дождей Петербурге оплакивали Чайковского все, кто знал его лично и кто совсем не знал его, но любил его музыку. Никто не хотел верить, что его больше нет. И в это время Петербург спорил с Москвой о том, где должен быть похоронен Петр Ильич. В это же время полали злые слухи о том, что врачи и родственники скрывают истинные причины его смерти. В те дни «Правительственный вестник» сообщал:

«По получении известия о кончине высокодаровитого композитора государь император повелел расходы по погребению Петра Ильича покрыть из собственных сумм его величества. Были только два примера особой высочайшей милости к отходившим в лучшую жизнь деятелям искусства и науки, и обе милости оказаны императором Николаем Павловичем, который написал письмо к умиравшему Пушкину и почтил накануне погребения последним целованием прах своего подданного Н. М. Карамзина».

Александр III решил спор между Москвой и Петербургом, повелев похоронить Чайковского в Александро-Невской лавре. А вот со слухами дело оказалось сложнее, и они не только дошли до наших ушей, но и умножились, обросли новыми версиями. Царскими повелениями их не истребить, и хорошо, что вместо молчания все больше людей отвергают старую молву здравым смыслом.

Все дни, пока Петр Ильич болел, а затем лежал в запаянном гробу в квартире Модеста Ильича на Малой Морской, в Петербурге стояла ужасная погода, словно и сама природа решила оплакивать осенними дождями и туманами того, кто так проникновенно ее любил и воспевал. Но в день похорон природа сжалилась над сотнями тысяч людей, которые вышли проститься с любимым певцом России: день стоял ясный, тихий, прекратился порывистый ветер с залива, измучивший петербуржцев в предшествующие дни. А на следующий день небо заплакало снова.

Через неделю в зале Дворянского собрания в Петербурге исполнялась Шестая симфония. Дирижировал Э. Ф. Направник. Впечатление, которое в этот раз произвела симфония, описать невозможно. Многие, и мужчины и женщины, плакали, не стыдясь слез...

С. НИКИТИН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Второй выпуск

Адрес редакции: Для писем—125868, ГСП. Москва. А-137. ул. «Правды». 24. Для телеграмм — Москва, 748. улица «Правды», 24.

НОМЕРА ТЕЛЕФОНОВ В МОСКВЕ: по газете: 257-28-84. по письмам: 257-22-17.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Индекс 50124. Б 03871. Тип. № 10728.